

Казарян А. Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века. Т. I–IV. М.: Локус Стэнди, 2012. 2060 с.

Выход объемной и фундированной монографии доктора искусствоведения Армена Юрьевича Казаряна, посвященной церковной архитектуре стран Закавказья VII в. и выросшей из его докторской диссертации, имеет важное значение не только для истории архитектуры, но и для других направлений исторической науки. В первую очередь это касается церковной истории. Появление рецензируемого издания оказывается тем более важно, что при недостатке письменных источников храмовое строительство активно используется как существенный аргумент в спорах о церковной истории Закавказья VII в., особенно — в дискуссии о взаимоотношениях Армянской и Грузинской Церквей. Забегая вперед, укажем, что автор монографии и сам принимает активное участие в этой дискуссии.

Однако сперва следует охарактеризовать само издание. Это отлично изданные (на мелованной бумаге и в твердом переплете) четыре тома, содержащие в сумме 2060 страниц и 2731 (!) иллюстрацию (их нумерация, в отличие от страниц, сплошная для всех четырех томов): планы, чертежи и фотографии, цветные и черно-белые. Большинство фотографий, многие чертежи и реконструкции сделаны самим автором. Также в иллюстративный материал включены архивные документы. Издание снабжено пространным английским резюме, списками иллюстраций, научной литературы и сокращений, а также именным и географическим указателями. Следует признать, что давно в России не выходило столь качественно сделанной книги о церковной архитектуре.

Свой материал А. Ю. Казарян рассматривает преимущественно в хронологическом порядке. За пространным введением следуют разделы, посвященные зодчеству в эпоху католикосов Иоанна Багаранци и Комитаса Ахцеци, триумфа императора Ираклия и середины VII в., католикоса Нерсеса Строителя, последнего всплеска и угасания «классической» традиции, а завершает книгу раздел об особенностях провинциального зодчества. Каждый раздел состоит из теоретической части и каталога памятников: описание каждого храма четко структурировано. Завершается текст книги кратким заключением, в котором рассматривается динамика эволюции архитектурных форм в Закавказье VII в.

Пересказывать содержание четырехтомной монографии А. Ю. Казаряна — задача, выходящая за пределы рецензии. Обратим лишь внимание на некоторые ее ключевые моменты. Во-первых, автор рассматривает все анализируемые памятники как части единого процесса эволюции церковного зодчества в Закавказье VII в. Однако ему удается избежать крайностей «эволюционистского» подхода: он охотно признает наличие внешних влияний и не выводит позднейших форм обязательно из предшествующих. Во главе угла для автора стоит стилистический анализ как

архитектуры, так и декорации, совершенно необходимый в том числе для датировки недатированных памятников. Здесь надо отметить, что автор предлагает достаточно много новых датировок для памятников, включая хорошо изученные. В некоторых случаях, когда его предшествующие передатировки или реконструкции не нашли отклика у других исследователей, он настойчиво повторяет и развивает свою аргументацию (например, в главах о Зариндже и куполе Эчмиадзина). В некоторых случаях он решительно отвергает датировки памятников из письменных источников, основываясь на своем стилистическом анализе (например, в случае Одзуна и Арамуса). Кроме того, автор часто радикально меняет относительную хронологию памятников и эволюцию некоторых типов зданий: так, первым «купольным залом» в Армении он считает собор в Аруче, а не перестроенный храм в Зовуни, как все его предшественники.

Во-вторых, автор рассматривает церковное зодчество в Закавказье как некий единый процесс, не имеющий национальных границ, вопреки позиции многих армянских и подавляющего большинства грузинских ученых, которые стремятся смотреть на армянскую и грузинскую архитектуру как на две параллельно развивающиеся, но независимые друг от друга традиции. Надо отметить, что, несмотря на некую презумптивность, подход Казаряна представляется более плодотворным и обоснованным (например, ввиду работы армянских мастеров на грузинских храмах) и позволяет лучше понять распространение общих архитектурных идей в обоих регионах.

При этом, конечно, необходимо детально учитывать национальные особенности каждого памятника, не скатываясь исключительно в концепцию «провинциализации» форм на периферии. Такой подход оказывается важен также для понимания проникновения в Закавказье архитектурных идей из соседней Византии, тесную связь закавказского зодчества с которой Казарян прекрасно демонстрирует. Правда, такому «объединяющему» подходу несколько противоречит излишняя арменизация топонимики в книге. В отличие от европейских исследователей¹, автор почти не использует двойных названий (типа Кларджк/Кларджети). Все названия на территории Гогарены, неоднократно переходившей от армян к грузинам и наоборот, даны только в армянском варианте. Более того, на приложенных к томам картах даже на территории собственно Иверии происходит непонятная деформация названия (типа Танис-Хев).

Наконец, книга А. Ю. Казаряна имеет не только обобщающий, но во многом и новаторский характер (см. выше о передатировках памятников). Это касается и вопроса об источнике ранних византийских заимствований, который он видит не в Сирии, а в Малой Азии, и вопроса о путях распространения архитектурных новаций в Закавказье. В этой

¹ В этом смысле как образец следует рассматривать книгу: *Plontke-Lüning A. Frühchristliche Architektur in Kaukasien. W., 2007.*

связи автору приходится постоянно дискутировать с Г. Н. Чубинашвили и его школой как в отношении предложенных поздних датировок армянских памятников (не поддержанных никем в мировой науке, кроме У. Бока), так и в отношении датировок собственно иверийских памятников. В последнем у А. Ю. Казаряна встречаются и очевидно сильные места — прежде всего констатация (вслед за многими европейскими исследователями) отсутствия единой грузинской архитектуры в доарабское время, но наличие, как минимум, региональных традиций: восточно-причерноморской и иверийской. Однако, к сожалению, в споре собственно о датировках иверийских памятников и ключевого из них — мцхетского храма Джвари автор занял неплодотворную позицию выбора между одной из сторон в этом старинном армяно-грузинском споре — вместо того, чтобы окончательно разрешить его при помощи недавно открытых источников.

Дело в том, что в грузинских источниках существуют две версии политической истории области Картли VII в. Псевдо-Джуаншер Джуаншеряни во второй части «Жизни Вахтанга Горгасала» (часть летописи «Картлис цховреба» (История Грузии)) говорит, что ставший куропалатом (командующим дворцовой стражи) при императоре Маврикии Гуарам заложил храм Джвари близ Мцхеты и достроил его до половины, однако его сын Стефаноз I был «безверен» и в конце концов убит императором Ираклием, который поставил во главе Картли мтавара Бакура из другой династии, чей сын Адарнасе закончил Джвари, а внук Стефаноз II — установил там ограду и празднество²; из-за смешения Стефаноза II и Стефаноза III остальная часть истории VII в. здесь пропала.

Болея древняя грузинская хроника «Обращение Картли» и, вслед за ней, «История и повествование о Багратидах» Сумбата Давитисдзе³, называя куропалата Гуарама также основателем храма Джвари, дает иную картину дальнейших событий: Стефаноз I, сын Гуарама и брат Деметре, продолжал строить Джвари еще до прихода Ираклия, которому он был вполне дружен, а к возвращению императора в Картли из Персии «церкви Креста немного недоставало», так что ее закончил Стефаноз II, сын Адарнасе и внук Стефаноза I, установив там празднество. Соответственно, армянские и грузинские исследователи, привлекая сюда также строительные надписи Джвари и Цроми и так называемую армяно-грузинскую переписку начала VII в. (которая не дает здесь новых сведений⁴, как и нумизматический материал), выбирали за основу одну из двух этих

² Картлис цховреба. История Грузии / Глав. ред. Р. Метревели. Тбилиси, 2008. С. 106–707.

³ Там же. С. 222–223.

⁴ Даже если в этих текстах самого начала VII в. и говорится именно о кресте близ Мцхеты, а не о храме Джвари (что в грузинских источниках, например, трудноразлично), то в этом нет ничего удивительного, так как храм действительно был закончен позже (см. ниже).

версий и развивали на ее основе свою концепцию в рамках удобной им парадигмы: Чубинашвили и его последователи — в пользу ранней постройки Джвари при Гуараме и Адарнасе, а П. Мурадян и другие армянские исследователи, к которым присоединяется и А. Ю. Казарян, — в пользу более позднего возведения Джвари в 40-е гг. VII в.

Однако недавняя публикация аутентичных и исторически достоверных глосс в рукописи Sin. georg. 50 позволяет подтвердить подлинность версии «Обращения Картли». В частности, одна из схолий («Когда умер благословенный и славный мампал Адарнасе, сын Стефаноза, племянник Деметре и внук Гуарама Великого, на двадцатый год... умерла благословенная царица Латавр, дочь Адарнасе и сестра Стефаноза... и была погребена в Джвари, в Святой Марии...»⁵) указывает на аутентичность династической истории Картли начала VII в. именно в «Обращении Картли» и, соответственно, на ошибочность версии Псевдо-Джуаншера. Таким образом, мцхетский храм Джвари, согласно вполне достоверному «Обращению Картли», был заложен куропалатом Гуарамом в конце VI — начале VII вв., почти достроен Стефанозом I к 628 г. (год возвращения Ираклия из Персии) и окончен его внуком Стефанозом II. Даты правления последнего не до конца ясны, так как «Обращение Картли» относит завершение Джвари ко времени до 637 г., когда «агаряне заняли Багдад»⁶ (т. е. Ктесифон), а Мовсес Калакантуаци⁷ относит правление его отца Адарнасе⁸ к самому началу 40-х гг. VII в., однако беллетристический характер его упоминания у Мовсеса и хронология строительства Джвари говорят скорее в пользу версии «Обращения Картли».

С такой хронологией отлично согласуются и надписи Джвари, где упомянуты как живые⁹ патрикий Стефаноз I и его сыновья — ипаты Адарнасе и Деметре; следовательно, рельефы с этими надписями относятся ко времени около 628 г. (см. выше). На рельефе с Адарнасе изображен также мальчик — его сын Стефаноз II, который впоследствии поставил отдельный рельеф со своим изображением — соответственно, где-то до 637 г. (см. выше). Таким образом, оказывается, что его достройка Джвари коснулась верха южного фасада и, вероятно, сведения купола. Более того, именно такая реконструкция строительной истории Джвари позволяет

⁵ Le nouveau manuscrit géorgien sinaitique N Sin 50 / Introd. par Z. Aleksidzé, trad. du géorgien par J.-P. Mahé. Lovanii, 2001. P. 33–34 (CSCO. 586). Кроме того, эта глосса показывает, что малая церковь Джвари (Св. Мария) уже существовала к середине VII в., вопреки Казаряну, который датирует ее по чисто стилистическим основаниям 60–70-ми гг. VII в. (Т. III. С. 316–320).

⁶ Обращение Грузии / Пер. Е. Такаишвили. Тбилиси, 1989. С. 30.

⁷ Мовсес Калакантуаци. История страны Алуанк / Пер. Ш. В. Смбатяна. Ереван, 1984. С. 97.

⁸ А не самого Стефаноза II, как у Казаряна (Т. III. С. 334).

⁹ Вопреки П. Мурадян, важную критику построений которого в работах И. Абуладзе и М. Лордкипанидзе (собраны в: Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии / Под ред. Д. Мухелишвили. Тбилиси, 2009. С. 62–106) А. Ю. Казарян знает (судя по библиографии), но в соответствующем разделе полностью игнорирует.

несколько снизить градус полемики между исследователями, видящими в нем как ранние, так и поздние стилистические черты. Интересно, что закладка Джвари, т. е. определение его плана, приходится примерно на то же время, что и закладка схожего по плану армянского собора в Аване; такой параллелизм легко объясним торжеством Византии и, соответственно, христианства над персами в 591 г. Следует отметить, что практически аналогичная реконструкция (без опоры на новые находки), проигнорированная А. Ю. Казаряном, была предложена А. Плонтке-Люнинг¹⁰, которая вполне логично объяснила долгое строительство Джвари сложной политической историей Картли в начале VII в., когда византийское владычество сменялось там персидским и наоборот.

К сожалению, ошибочная датировка всего Джвари исключительно 40-ми гг. VII в. — на основании лишь невозможности долгого строительства храма такого размера (при том, что для Самшвилде автор спокойно принимает строительный период почти в 20 лет) — влечет за собой и последующие ошибки в рассматриваемой книге, начиная с утверждения об Аване как точно первом представителе этого архитектурного типа на Кавказе. Собор в Цроми А. Ю. Казарян также считает невозможным датировать ни 20–30-ми гг. VII в. (как это обычно принято), ни даже 40–50-ми гг. В первом случае автор игнорирует тот факт, что упомянутый в строительной надписи храма «Стефаноз ипат» не может быть никем иным, как Стефанозом II в ту пору, когда он был еще наследником, так как, с одной стороны, мы видели (см. выше), что этот титул в Картли VII в. закреплен исключительно за младшими членами правящего дома¹¹, а с другой, никакой другой Стефаноз в династии картлийских эрисмтаваров (правителей) VII в. неизвестен (период, когда Стефаноз I был наследником, увел бы нас в самое начало этого столетия). Во втором случае он считает, что «если признаем гораздо большую вероятность возведения Джвари... после 642 г., то станет очевидным, что в 40-е, ни, вероятно, в 50-е гг. возведение Цроми не могло состояться, настолько велики стилистические отличия одного из них от другого»¹², т. е. здесь автор опирается исключительно на стилистический анализ и исходит при этом из собственной — ошибочной, как мы видели — датировки Джвари; иными словами, строит гипотезу на гипотезе. Такую «ловушку» замечательно описал П. А. Раппопорт: «Другая опасность искусствоведческого анализа заключается в том, что он подчас проводится отвлеченно, рассматривая только художественную сторону...»¹³. Итак, у нас нет никаких оснований отказываться от традиционной датировки Цромско-

¹⁰ *Plontke-Lüning* A. Op. cit. S. 209–211.

¹¹ Этот феномен А. Ю. Казарян называет почему-то «фантастическим», что происходит опять же из-за игнорирования критики построений П. Мурадяна (см. выше).

¹² Т. III. С. 334.

¹³ *Раппопорт* П. А. Архитектура средневековой Руси. Избранные статьи. СПб., 2013. С. 52.

го собора временем, когда наследником был Стефаноз II, т. е. временем эрисмтаварства его отца Адарнасе I, которое падает на конец 20-х — начало 30-х гг. VII в.

Таким образом, наряду со множеством достоинств книга А. Ю. Казаряна обладает и рядом недостатков, в том числе совершенно понятных (например, более слабое знакомство с грузинской литературой по сравнению с армянской). Поэтому рецензируемое издание следует воспринимать не как окончательное решение проблем закавказской церковной архитектуры VII в., но как очень полный, насыщенный и новаторский материал для дискуссии по этой и смежным темам, в том числе и по вопросам ранней церковной истории Кавказа.

А. Ю. Виноградов